

**КОНЦЕПТ КАТАСТРОФЫ
И РОССИЙСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ**
Стенограмма круглого стола
6 июля 2012 г., Ростов-на-Дону,
Донская государственная публичная библиотека

Аннотация: *Стенограмма круглого стола «Концепт катастрофы и российская реальность», проходившего в г. Ростов-на-Дону 6 июля 2012 г.*

Ключевые слова: *концепт, кризис, катастрофа, социальные нормы, духовная культура России.*

Участники:

Бардаков А.И., доктор политических наук, доцент (Волгоград, Поволжский ИФ РАНХ и ГС)
Ерыгин А.Н., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Коротец И.Д., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Куликов А.Н., кандидат философских наук, доцент (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Макаренко В.П., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Попов В.Ю., мл.научный сотрудник (Ростов-на-Дону, ЮФУ)
Порус В.Н., доктор философских наук, профессор (Москва, НИУ-ВШЭ)
Старостин А.М., доктор философских наук, профессор (Ростов-на-Дону, ЮРИФ РАНХ и ГС)
Научные сотрудники, преподаватели, аспиранты, студенты Южного федерального университета и других вузов, общественность Ростова-на-Дону

В.П. Макаренко: Желая всем приятного времяпрепровождения на нашем круглом столе, который, все же, не следует превращать в балаган. Сегодня предполагается дискуссия на тему: «Концепт катастрофы и российская реальность». Для обсуждения предлагаются следующие вопросы:

В каких терминах можно описать ситуацию, в которой культурный кризис совмещен по времени и смыслу с кризисом государственности, ментальности, традиции?

Есть ли место в этом дискурсе катастрофе?

Если да, то какое оно, к чему ведет, чем пренебрегает?

Какова роль политических концептов в построении сценариев историко-культурного, политического и цивилизационного развития?

Кто сценаристы и режиссеры?

Но прежде всего разрешите мне в порядке политпросвета рассказать полстранички текста, чтобы внести ясность в исходные вопросы. А то будет как вчера: говорили-говорили, потом в конце кое-кто начал задавать вопросы, которые не относятся к теме.

Теория катастроф и связанная с нею проблематика разработана в социогуманитарных исследованиях. В статье Аркадия Пригожина «Феномен катастрофы», которая была опубликована в 1994 году в журнале «Общественные науки», показано, что терминологическая разница между социальной катастрофой и общим глубоким кризисом состоит в следующем:

1. Катастрофа отличается глубиной потрясений, в результате которых происходит слом, исчезновение, дезинтеграция системы. Поэтому исходным предметом нашей дискуссии может быть вопрос: как определить глубину потрясений с учетом того, что любое определение в большей или меньшей степени дается для профанов? Такова исходная методологическая проблема.

2. Катастрофа происходит более стремительно, чем глубокий кризис. Но что такое «более-менее»? Что такое длина глубокого кризиса? Определенного ответа нет, хотя общая теория катастроф разрабатывается давно.

Иначе говоря, сами критерии различения катастрофы и кризиса являются дискуссионными. Вчера мне кто-то сказал, что профессор Штомпель занимается этой проблемой. В журнале «Социологические исследования» уже более 15 лет существует рубрика «Социология катастроф». Опубликовано значительное количество материалов, в которых можно найти ключи обсуждения этой проблемы. В том числе нашей сегодняшней дискуссии. А теперь предоставляю слово В.Н. Порусу.

В.Н. Порус: Спасибо! (*Аплодисменты*)

В.П. Макаренко: Прошу прощения, я опять включусь. Овации. Вот так незаметно способ поведения на художественных и тому подобных тусовках переходит в научную сферу.

В.Н. Порус: «... делегаты встречаются бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию».

В.П. Макаренко: Да, сталинская вонь до сих пор не выветрилась...

В.Н. Порус: Я сразу сделаю несколько предупреждений. Во-первых, в том, что я буду сегодня говорить, термин «катастрофа» употребляется именно как концепт, а не как понятие. Что касается теоретического статуса этого термина — об этом пусть спорят теоретики катастрофы: социальные философы, социологи и другие исследователи. Для меня в данной ситуации более важной является проблема: как термин в статусе концепта живет в различных формах сознания, как пересекаются эти формы? Какие конфликты могут возникать при этих пересечениях? Поэтому я заранее прошу извинения у тех слушателей, которые хотели бы больше теоретической точности, строгости определений. Моя задача заключается не в том, чтобы подготовить развитие общей теории катастроф, это не моя задача. А в том, чтобы показать, как этот термин осуществляет свою живую жизнь в нашей действительности. Это первое предупреждение.

Второе — основное содержание сегодняшнего моего сообщения было изложено в статье «Обжить катастрофу: своевременное размышление о духовной культуре России», опубликованной шесть лет назад. Она уже слегка устарела и можно было бы говорить о том, что надо делать следующий шаг. Мне кажется, надо уточнить свою задачу. Что же касается обычных в такого рода ситуациях вопросов: что нам делать, как нам быть, кто виноват, как нам выйти из катастрофы? — то это те вопросы, которые нам задавали позавчера при выступлении на телевидении. Я оставляю все эти вопросы и возможные ответы на них за скобками моих рассуждений. Мы здесь собрались не для того, чтобы выработать стратегию выхода из катастрофы, а для того чтобы уяснить место и роль концепта катастрофы в наших рассуждениях. То есть, наша задача исследовательская и диагностическая, а не прогностическая, не пропагандистская, не идеологическая...

В.П. Макаренко: И не инженерная...

В.Н. Порус: ... и не инженерная.

Аспекты сегодняшней беседы мы оставим за скобками. Просто не будем возвращаться. Шесть или даже больше лет назад социологи Российской академии государственной службы провели очень занятное социологическое исследование, которое потом повторялось в других формах другими социологическими центрами, например, «Фондом общественное мнение». Суть этого исследования состояла в вопросе, который был основным в анкетах для респондентов. Вопрос такой: Как, по-вашему, можно охарактеризовать нынешнее состояние духовной культуры российского общества? Надо отметить, что эта социологическая анкета распространялась не среди массового читателя, зрителя, не среди массовых респондентов, а среди специальных экспертов. Эксперты были взяты из 25 субъектов Федерации. В качестве экспертов выступали представители театров, библиотек, музыкантов, преподавателей, журналистов и т.д. Одним словом, люди более или менее компетентные, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с российской культурой. Так вот, на основной вопрос анкеты в 2004 году ответы распределились следующим образом. Характеризуют нынешнее состояние российской культуры как значительное возрождение — 2,5%. Как частичное обновление на пути к возрождению — почти 42%. Как застой (респонденты говорят «отстой»)

...

В.П. Макаренко: Это совсем другое!

В.Н. Порус: Примерно в том же самом смысле. Застой или «отстой» — характеризуют 12%. Как торжество бескультурия — почти 34%. И еще, около 10% респондентов затруднились ответить.

На мой взгляд, очень характерное распределение. Мнение экспертов разделяется почти поровну. Значит, примерно для половины респондентов нынешнее состояние российской духовной культуры не такое плохое. Во всяком случае — удовлетворительное. Другая половина оценивает это состояние как плачевное или «отстойное». Эта старинная дилемма полупустого или полуполного стакана.

Как вы оцениваете изменения в культуре российского общества за годы реформ, начиная с 1992 года? — это был следующий вопрос. Около 10% опрошенных отвечают — в основном положительно. Больше 40% — в основном отрицательно. И примерно 46% — отчасти положительно, отчасти отрицательно.

Значит, определенно отрицательных оценок примерно в 5 раз больше, чем определенно положительных. А мнение тех, кто неоднозначно отвечает на этот вопрос, можно оценивать тоже неоднозначно. Кое-что изменилось в лучшую сторону, кое-что — в худшую. Значит, если в бочке меда есть ложка дегтя, то это значит, что в этой бочке есть и деготь и мед. Кому что нравится.

А вот на вопрос: Если, по вашему мнению, изменения в духовной жизни России отрицательные, то способно ли российское общество возродиться духовно в обозримой перспективе? На этот вопрос подавляющее большинство (65%) отвечает — да; 20% — нет, остальные воздерживаются.

Это понятно. Потому что пессимизм во всех отношениях позиция не очень привлекательная. Всем хочется улучшения жизни, но в вопросе о том, как достичь этого улучшения, начинается разнобой. Одни связывают рост духовности, возможный рост духовности с возрастанием роли религии и церкви. Другие, наоборот, говорят, что рост духовности связан с распространением атеизма и разоблачения попов. И те и другие думают, что либо одно, либо другое сбудется в ближайшей перспективе. Таким образом, уровень положительных ожиданий растет, хотя сами ожидания противоречивы.

Если же все-таки большинство оценивает духовное состояние современной России как упадок, то откуда берется уверенность в том, что этот упадок вот-вот в ближайшей перспективе сменится резким подъемом!? Кстати, именно потому что это исследование проводилось

около 6 лет назад, можно уже сделать некоторые выводы относительно правоты тех, кто предполагал резкое улучшение состояния духовной культуры в России в ближайший год. Я потом приведу более свежие примеры, уже двухлетней давности, социологических исследований примерно на ту же тему, которые показывают, что оптимистические ожидания провалились. Что же беспокоит респондентов? Респонденты говорят об общем низком уровне культуры — больше 62%. Нравственное состояние общества расценивают как неудовлетворительное — больше половины, свыше 50%.

Что мешает быть более культурными и духовными? Причины, как правило, в подавляющем большинстве случаев ищут в кругу каких-то внешних обстоятельств. Эксперты отмечают такие стороны этого вопроса, что проводилась культурная политика государства — почти 60%. Другие (их еще больше) указывают на неуклонное снижение государственных расходов на культуру — около 75%. Почти 80% экспертов призывают государство отказаться от политики экономии на культуре. И почти 60% призывают государство, подчеркну, именно государство активно бороться с пошлостью и безвкусицей в массовой культуре.

Как бороться? Тут нет особенных разногласий. Необходимо ввести цензуру и административный контроль за информационными центрами, СМИ и т.д. То есть, общий вывод такой: подавляющее большинство работников культуры желает, чтобы культуру оберегала власть. Чтобы работников культуры и саму культуру сытнее кормили, и чтобы пища была лучше. Ну, это входит в общее русло постоянных стенаний о том, что у нас недокормленная и недостаточно вооруженная армия, что у нас очень плохие дороги, коммунальное хозяйство, очень маленькие пенсии и т.д. и т.п.

Как оценивается состояние культуры? По количеству и качеству культурных мероприятий: концертов, телепрограмм, киносеансов, спектаклей, состояние библиотек, художественных музыкальных школ, журналов, газет и т.д. Это странно. Потому что нет прямого соответствия между уровнем культуры и количеством так называемых культурных мероприятий. Конечно, можно ввести цензуру и запретить произносить ругательные слова, особенно матерные, с экранов телевизоров или кино. Можно приучить людей не ругаться матом. Обставить жилища людей прекрасными книгами, видеотеками, даже допустить, что некоторые из них будут прочитаны либо просмотрены. Но все-таки состояние духовной культуры никак не зависит от количества и качества мероприятий. Например, когда храмы пустеют, разрушаются, то можно сказать, что это признак духовного упадка общества. Но если храмы восстановить или построить заново и пронаблюдать, что там всегда полно людей — это еще не говорит о росте духовности.

В.П. Макаренко: Зато свечек будет продано больше...

В.Н. Порус: Да. То есть, я бы сказал так: когда предметов культурного обихода становится больше, но они по существу не востребованы, то это говорит не о росте, а об упадке культуры.

В этих рассуждениях я постоянно говорю о культуре. Конечно, хочется внести ясность, что я имею в виду. Вы знаете, существуют сотни определений культуры, многие из них диаметрально противоположны. Можно было бы на эту тему устроить целый научный дискурс с анализом возможных определений культуры. Но я этого делать не буду, это потеря времени. Для специалистов это не так важно, а остальным это может быть даже неинтересно. Я буду исходить из того понимания культуры, которое считаю для себя важным, приемлемым и активным в дальнейших рассуждениях. Я исхожу из понимания культуры как горизонта универсальных ценностей, выступающих ориентирами личного и общественного поведения, отношения к миру, людям и самому себе. И вместе с тем культура — это рамки, в которые заключена наша жизнь изнутри. Вот это требует специального уточнения. Рамки, которые ограничивают наше поведение изнутри, — это не рамки закона, не рамки традиции, даже не рамки общественной морали. Это такие внутренние имманентно живущие в человеческом сознании ограничения, которые нельзя переступить, не оказавшись в тяжком личном разладе с са-

мим собой. Именно поэтому я употребляю слово духовная культура как некий плеоназм. Всякая культура духовна, а духовность выражает себя только в культуре. Поэтому я совершенно не обращаю внимания на модное в нашей литературе различие духовной и материальной культуры. Эти вещи меня совершенно не интересуют. Я полагаю, что деление культуры на различные сферы — это всего лишь некоторый методологический прием, который иногда приводит к нужным результатам. Поэтому он и применяется исследователями. Но ему никак нельзя придавать онтологический смысл, который расчленил бы целостность культуры на различные части, между которыми устанавливаются какие-то связи, расположить их по некоторой шкале оценок и т.п. Ничего, кроме недоразумения, из этого выйти не может. Поэтому когда говорят о различных культурах, то говорят о различии систем универсалий, ценностных универсалиях. Можно говорить о христианской или исламской, традиционной или прогрессивной, элитарной или массовой культурах. Хотя эти слова тоже концептуальны, а не теоретичны. Но понятно, что они выступают некоторыми каркасами, на которых держится здание или тело культуры. Если такие каркасы перестают нести на себе это тело или здание, и более не определяют ориентации людей в жизненном пространстве, — то такие культуры находятся в состоянии упадка, их уже нет или почти нет. Я подвожу вас к одной простой мысли: культура жива до тех пор и постольку, поскольку люди признают над собой власть культурных универсальных ценностей. Это означает, что человек и культура — это два термина, по смыслу сопряженных. Мы люди до тех пор, пока наше бытие определено культурой, но бытие культуры определено нашими духовными усилиями. Поэтому совершенно неправы эпигоны Шпенглера, которые полагают, что культуры возникают и умирают по каким-то совершенно независимым от наших воле, мыслей и действий причин. Поэтому о духовной культуре следует судить не по событиям, связанным с образованием, литературой, наукой, искусством, религией, а по проявлениям духовности во всех сферах жизни общества. Например, о состоянии культуры следует судить не по результатам опросов, в которых выясняются отношения людей к насилию, а по статистике насилия в реальной жизни. Потому что отношение людей к насилию может быть при ответе на вопросы резко отрицательным, а само насилие в реальной жизни людей становится фактом повседневности. Когда наступает подобный разлад, тогда ценности провозглашаются, приобретают сугубо вербальный модус существования. Реальная жизнь людей ориентирована вовсе не на них, а на что-то иное, иногда даже ориентирована против декларированных ценностей. Именно такое состояние является важнейшим симптомом кризиса, а в некоторых случаях — катастрофы культуры.

Когда у нас сотни тысяч детей, брошенных в мирное время, и столько же стариков-родителей; когда ликвидаторы чернобыльской аварии должны голодовками добиваться выплаты со стороны государства положенных им пособий — тогда мы говорим о беспределе коррупции. О бесконечной и превзошедшей все ожидания продажности властей. Когда мы говорим об алкоголизме, наркомании, об убитых семьях станицы Кушевской или о 17 пенсионерах, которых убила молотком 42-летняя женщина именно для того, чтобы завладеть их копейками, отложенными на похороны, — то все это и есть, я хочу подчеркнуть, явления нашей духовной культуры. Это — признаки её катастрофы. Конечно, всегда находятся люди, которые в этом моменте прерывают меня возмущенными возгласами: «Вы видите в жизни одно плохое. В нашей жизни есть много хорошего, и на том стоит наша жизнь. Рожают детей, учатся, работают, любят... Люди ставят перед собой цели и достигают их. Вы говорите о некоторых язвах людей, теневых сторонах, видя в них признаки надвигающейся или развивающейся культурной катастрофы». Таким горе-оптимистам я отвечаю: отрицать кризис может человек только слепой или злонамеренный. Кризис — это рубеж, с которого только два пути. Один путь ведет к выздоровлению, другой путь — к гибели. В период кризиса перед духовным организмом общества стоит задача мобилизовать свои ресурсы. Если ресурсов будет достаточно, кризис будет успешно преодолен; если недостаточно — организм безусловно погибнет. Наша духовная культура тяжело больна. Здесь дело не в том, что у нас мало средств

на культурные мероприятия, это пустяки. Болезнь заключается в том, что размыты границы, а иногда и просто исчезли границы между культурой и дикостью, варварством.

Сейчас в моде термин «посткультурная действительность». Я не знаю точного определения этого термина и не очень понимаю его содержание. Но во всяком случае ясно, что идет речь о каком-то глубоком, важнейшем, кардинальном переходе. От того, что я назвал культурой как непосредственной и существенной формой человеческого существования, к тому, что вроде бы это существование длит, но уже никак не связано по смыслу с предыдущим условием. Речь идет о выяснении глубины этого водораздела, который отделяет культурную действительность от посткультурной или некультурной. Не буду сейчас уточнять эти термины.

Существует интуитивное представление о внутренних границах, которые человек не может переступить, для того чтобы не перестать быть человеком. Эти границы подвижны, и эти сдвиги границ обычны во времена колоссальных перенапряжений человеческой души. Вспомним ленинградскую блокаду. Там некоторые люди умирали, отдавая последний кусочек блокадного хлеба своим близким, а были люди, которые...

В.П. Макаренко: ...людоеды...

В.Н. Порус: ...людоеды или те, кто отбирал кусочки у тех, кто уже обречен на голодную смерть. Люди ведут себя по-разному в экстремальных условиях. Помните старый фильм «Судьба человека» по рассказам Шолохова? Там есть такой эпизод, о котором часто забывают. Немцы сгоняют в храм русских военнопленных и запирают их там, запрещают под страхом смерти выходить или просить выйти. Среди них находится верующий человек, ему надо справить нужду. Он не мог этого сделать в храме. Несмотря на запрет, он требует у конвоиров его выпустить из храма и получает автоматную очередь в живот. Вот это культурный человек.

Конечно, культурные запреты и внутренние рамки существовали с тех пор, как существует культурное человечество. Сохранились традиционные заветы, несмотря на это люди во все времена убивали, крали, прелюбодействовали, лжесвидетельствовали. Но когда заповеди стали законом, то люди знали, что нарушая их, они понесут ответственность. Культура и есть система ответственности человека, то есть она выше по отношению к индивидуальному существованию перед Богом, человечеством, историей, как угодно. А раз есть ответственность, есть и желание от нее избавиться. Например, классическое произведение Камю о бунтующем человеке — это текст о том, как человек бунтует против культурных ограничений для того, чтобы высвободить самого себя из-под бремени культуры. Бунтующий человек Камю — это культура, сжатая до индивида, который вмещает в себя весь культурный универсум. Иначе сказать, это попытка найти внутри человеческого духа основания, на которых можно устоять перед отчаянием. Но этот бунт имеет оборотную сторону: он может легко превратиться из гордого бунтарства Сизифа в плебейское движение против культурных ценностей. Особенно когда жрецы высокой культуры подвергали себя насилиям единственной правильной подлинной культуры. И тогда принципы, провозглашаемые жрецами, становятся чуждыми и враждебными большинству людей, которые начинают видеть в принципах смирительную рубашку.

Хорошо известное классическое произведение Ортеги-и-Гассета, а у нас Д.С. Мережковского, которые обозначили бунт против высокой культуры как «восстание масс». Мережковский назвал это проще: «Пришествие Антихриста». Как обуздать разрушительные импульсы толпы или индивидуальных эксцессов? Выполнение этой задачи обычно возлагали на государство, на полицию, на другие охранительные институты.

Когда-то внутренние условия личности формировались массовой культурой. Что касается высокой культуры, носительницы этих духовных универсалий, то она укрылась в убежищах: библиотеках, храмах, локальных сообществах или стала частным делом какого-то отдельного существования. А в массовом обществе универсалии культуры заменялись имитациями. Имитации нужны (этому посвящены классические работы Бодрийера) для так назы-

ваемого символического обмена, а лучше сказать не обмена, а обмана. Обмана масс, которых можно обмануть тогда и только тогда, когда они сами хотят быть обманутыми. Поэтому производство символов и знаков культуры было превращено в культуру индустрии и поставлено на поток. Получилось так, что имитированные культурные объекты удовлетворяли потребности имитированных людей. А раз так, то именно эти символы и оказались удобными мишенями для критики. Их обвинили ни много ни мало во всех катастрофах XX столетия. Мы помним работы Хоркхаймера, Адорно, которые объявили идеи Просвещения источником генезиса массовой культуры. Подвел итог этому Теодор Адорно, который сказал, что после Освенцима нельзя писать стихов, а рассуждения о культуре не больше чем словесный мусор. Сказано было запальчиво, сгоряча, сразу после Второй мировой войны, но сказано по существу. Потому что если считать мусором культурные универсалии и рассуждения о них, то принимать мусор за что-то достойное, хотя бы даже и враждебное, очень глупо. Выходом стал постмодернизм. Он создал проект культуры без универсалий. Собственно, это даже уже и не культура в том смысле, о котором я говорю. Потому что в постмодернизме само понятие культуры — одна из иллюзий, подобная другим культурным универсалиям, таким как истина, добро, разум, вера и т.д. Эти иллюзии были приняты как симулякры реальности. На самом деле, это всего лишь фикции. Они оказались только данью культурным традициям, которым пришла пора сойти со сцены. Поэтому теперь — в рамках этого проекта — общность людей определяется не общими универсальными ценностями, а приемлемыми способами удовлетворения индивидуальных и групповых потребностей. Об этом пишет Рорти, я не стану его цитировать, это общеизвестная вещь, переведенная на русский язык и доступная всем интересующимся.

Лозунг, который можно было бы приписать подобному проекту, заключается в следующем: хочешь жить, а не прозябать, действовать, а не заниматься рефлексией, — сбрось великие культурные универсалии. Вся премудрость жизни состоит в нехитром слогане: не плошай. Универсалии разоблачены как фикции. Например, рациональность как культурная ценность — это всего-навсего механизм выведения правильных заключений из принятых посылок. Разум становится инструментом для удовлетворения потребностей. Вера в начале XX века есть не что иное, как способ установления душевного контроля, который часто нарушается по психологическим или социальным причинам. Истина — это инструмент консенсуса при решении интеллектуальных задач. Вот это я и называю культурной катастрофой. В этом состоит концепт культурной катастрофы, как он выступает в ходе моего рассуждения. Речь идет не о том, что некоторые ценности разрушены или отброшены. Если бы это было так, то можно было бы говорить о создании других духовных ценностей, универсальных ориентиров, которые придут на смену отжившим. Катастрофа заключается не в том, что одни культурные ценности заменяются другими, а в том, что вырождаются ценности как таковые. Следовательно, происходит отказ от самого понятия культуры как образующегося духовными универсалиями.

Конец культуры ведет за собой смерть человека. На закате XX века диагноз — неутешителен! А еще раньше аналогия может быть проведена со смертью Бога, которую провозгласил Ницше на 100 лет раньше. Культурные ценности превращаются в слова, слова, слова. Слова, которые становятся просто модусом стандартного говорения. Это вехи, обозначающие путь от человека к симулякру человека. Здесь не спасает и придуманный феноменологической социологией (в частности, Альфредом Шюцом) поворот к повседневности. После Шюца даже само слово «повседневность» стали писать с большой буквы, как раньше писали слова «реальность», «бытие» и т.д. Ну, что такое повседневность? Это способ смягчения или приближения к конкретному индивидууму специальных вещей и навязанных имиджей. Слова принадлежат всем по праву. Попросту сказать, каждый кулик свое болото хвалит, и каждый кулик на своем болоте судит и рядит по своему разумению все, что находится в поле его обзора. Совершенно не заботясь о том, как его суждения кулика выглядят в свете больших

нарративов и универсальных ценностей. Просто по той причине, что этих ценностей вовсе нет, а большие нарративы, строящиеся на их основе, — это миф или фантазия.

По Шюцу, повседневность образует безусловную предпосылку и в конечном счете сферу приложения всех остальных форм человеческого существования и деятельности. Поэтому вся не повседневная жизнь, то есть жизнь в пространстве культурных универсалий — это только временное отсутствие повседневности. Ценности, универсалии и прочие культурные аксессуары, декорации — это такая сцена, где одновременно находятся и актер и зритель. После спектакля обычно все разъезжаются по домам, обмениваясь впечатлениями и стирая грим с лица. Те, кто забыл или не собирался этого делать, будут выглядеть странными чужаками. Можно постучать пальцем по лбу. Но кто этот человек, который так хорошо устроился, что совершает регулярные вояжи из сферы повседневности в остальные формы существования, деятельности и обратно? Где он свободен? Где он принадлежит самому себе? Если провести аналогию между повседневностью и феноменальным миром, миром культуры и миром ноуменов, то старик Кант был бы неуместной фигурой. Оказывается, человек по-настоящему свободен в мире феноменов, а в мире ноуменов его свобода иллюзорна. На своих территориях повседневного бытия человек более-менее скрыт от культурных принципов. Если же на его свободу и удобства посягают законы природы или агрессивные соседи, то от них можно отгородиться полицейскими кордонами или барьерами житейской мудрости и рассудительности. Кант, конечно, мыслил иначе. Он не питал иллюзий относительно свободы в мире повседневности. Туда, в этот мир человек приносит не только имитации культурных ценностей, но и кошмары радикального зла, которые коренятся в его природе.

Кант писал, что свобода, конечно, есть благо, но это и бездна и самое ужасное, что только может быть. В мире культуры, где радикальное зло все-таки обуздывается (нравственный императив), человек вступает в отношения с другими людьми, в которых видит цель, но не средство для своих прихотей. Или, как пишет современный кантовед Норберт Хинске, мир, в котором каждый видит только средства для своих намерений, является отражением ада. Там, где мы слепо по отношению к последствиям нашего действия, пишет он, сами вызвали его к жизни посредством неявного поведения, мы можем сказать, что сами создали ад свободным выбором наших масс.

Конечно, повседневность, резко отгороженная от мира культурных ценностей, есть нечто невозможное. Противопоставление повседневности и культуры — это фикция, которая подчеркивает самостоятельную значимость индивида. Но подчеркнуть это — не значит обособить индивида. Универсалии, противопоставленные обыденной жизни, — это кумир на бронзовом коне, от которого пытаются в ужасе скрыться сошедшее с ума индивидуальное существование и повседневность, взбунтовавшаяся против культурных универсалий. Это чаще всего свинское пребывание либо разрушительное самоотречение, растворение в череде происшествий, столь же бессмысленных, как и их отсутствие. Еще раз подчеркну — это и есть культурная катастрофа: крушение связей между ценностями культуры и ориентациями индивидуального существования. В этом и состоит так называемая причина смерти человека — в распаде его сущности на осколки. Пресловутая жажда жизни, ползая на коленках, пытается собрать муляжи существования. За этой катастрофой немедленно следуют все прочие: политические, национальные, технические, экологические и всечеловеческие. Такая катастрофа неизбежна, если человек только инструмент или материал. Об этом хорошо писал в свое время Кант, я не буду повторять его великие слова. Но все же замечу, если подорвана идея культуры, как она была сформулирована ранее, то на ее место встает другая идея. Идея, сформулированная философом И.Ф. Карамазовым и практически испытанная его братцем — самоубийцей, убийцей и самоубийцей.

Дискредитация и распад культурных оснований — конечная причина социальных язв. Эти язвы множатся не по чьей-то злобе, не по чьему-то недосмотру, не в результате так называемых «объективных обстоятельств». Эти язвы множатся и заполняют все жизненное про-

странство, в котором мы находимся. Именно потому, что эти язвы уже не воспринимаются как нечто несовместимое с культурой, а иногда даже говорят, что эти язвы есть необходимая плата за само существование культуры. Известно рассуждение: мол, истребление лесов, загрязнение водоемов и т.д. — это плата за удобство, за нашу цивилизацию. Другие скажут так: социальные беды подтачивают культурные каркасы, выступают как злоторные микробы, и поэтому их нужно уничтожать. Надо бороться с социальными бедами — и тогда культура воспрянет.

Пеняют на историю, в которой находят примеры того, как само культурное творчество сопровождается плачем обездоленных и страждущих людей. Вершины культуры своими основаниями уходят в страдание. По этой логике, чем глубже и шире страдания, тем выше духовный подъем. И к России это относится больше, чем к какой-либо другой стране.

В.П. Макаренко: Мазохизм...

В.Н. Порус: Четвертые говорят: очень хорошо, что близится конец культуры, потому что в падении ее универсалий содержится рецепт от социальных бедствий. Наконец, есть и такие, которые усматривают именно в русской душе, в ее отличии от французской или швейцарской, исконное недоверие к таким культурным универсалиям, как рациональность. Дескать, русскому человеку свойственно доверие к иррациональному бытию, которое воспринимается как благоприятное для человека, подхваченного потоком жизни. Все это, на мой взгляд, заслуживает скептического или критического внимания, но совершенно не выдерживает никакой критики. Поэтому я не буду втягиваться в полемику с подобными рассуждениями. На мой взгляд, они опровергнуты самой жизнью.

В.П. Макаренко: Ты уже втянулся.

В.Н. Порус: Ну, для того чтобы по-настоящему полемизировать, нужно было их подробно изложить, а затем по пунктам разбить. Это пустое занятие.

Культурная катастрофа — главный вызов нашего времени. Возможно, самый радикальный вызов за всю историю существования человечества. История современной культуры — я имею в виду европейскую культуру — это трагикомедия в трех актах. Первый акт окончился развенчанием классической парадигмы, центром которой был автономный субъект. Или, по Канту, внушающая уважение идея личности, которая понимается как свобода и независимость от природного механизма. Почему этот акт закончился крушением классической парадигмы? Главным образом потому, что обычная человеческая жизнь совершенно несоразмерна кантовской идее. Человек не может жить в постоянном сопоставлении своей малости и греховности с величайшей ответственностью. Его успокоение тем, что он, по Канту, достоин быть представителем человечества, отмечается Кантом как нечто лишь негативное, по отношению к тому, что жизнь может сделать приятным. Понятно, быть представителем человечества очень трудно. И это настолько ограничивает приятность или комфортность существования, что никому невозможно постоянно ощущать себя нравственным субъектом.

Содержание второго акта составило конфликтное противостояние между двумя противоположными, а по сути, родственными модернистскими парадигмами. Индивидуалистическая парадигма утверждает безусловное превосходство ценностей личной жизни над требованиями и ограничениями культурных универсалий. Смысл тоталитарной парадигмы можно ограничить от политических коннотаций тоталитаризма. Речь идет о безусловном подчинении ценностных ориентаций индивида нормам и принципам коллектива. Эти парадигмы являются изнанкой друг друга. Как показал Бердяев, ни та ни другая не способны предотвратить усыхания культурной цивилизации, которая превращается в формальную оболочку и спадает с человека, как только ему хотя бы на время удастся ускользнуть от контроля.

И, наконец, в третьем акте на сцену вышел постмодернизм. Он сделал это действительно театрально. Он сказал, что все что произошло в первых двух актах — это игра масс. Власть универсалий над жизнью — это архаизм. Он заслуживает только иронической рефлексии. Индивидуализм в духе экзистенциалистского антиисторического стоицизма, как у

Ясперса, тоже подозрителен. Потому что противоположности сходятся, и надо лучше сделать так, чтобы они сходились только в философских рассуждениях, но не в реальной жизни. Когда маски сброшены, на сцене остался человек, как он есть. Он не слишком малый, но и не великий; не замкнутый в скорлупу своей единичности, но и не раздутый до кантовского всечеловеческого универсализма. И стремления этого человека ограничиваются не императивом Канта, а правилами общественного поведения. За соблюдением которых присматривает полиция. Что касается нравственных, религиозных или метафизических предпочтений, то они составляют удобный интерьер внутреннего мира. Этот интерьер лучше всего обезопасить от вмешательства других людей и даже от постороннего взгляда. За этим миром можно только подглядывать через щелочки. Подглядывать затем, чтобы удовлетворить свое любопытство относительно жизни другого и чтобы не затосковать в одиночестве. Подглядывая за соседями, мы часто убеждаемся в том, что мы не такие плохие.

Да, это все, конечно, трагикомедия, и культурный герой погибает, как и положено в трагедии, но зритель смеется, потому что он не ощущает себя участником действия. Мне нравится сцена из «Гамлета» Шекспира, я всегда ее привожу в качестве иллюстрации. Играл убийство короля. Король тревожно спрашивает Гамлета: «Что происходит?». Он говорит ему: «Всё это в шутку!». Король: «А как называется пьеса?». Гамлет говорит: «Мышеловка».

Пьеса изображает убийство, но нам что до этого? Вашего величества и нас это совершенно не касается. У России все три акта этой трагикомедии идут одновременно. Такова особенность нашей культурной истории. Она движется одновременно в разных эпохах. Здесь переплетается архаика, традиционное общество, модерн и постмодерн. А культурные универсалии этих систем не сменяют друг друга, а срастаются между собой, образуя причудливые образования. Противоречия этих оснований начинают расплзаться трещинами по всему зданию культуры. Возможно, поэтому попытки заделать эти трещины всегда были либо косметикой, либо неудачными. Я напомним слова Василия Васильевича Розанова, он говорит: как это страшно и как это удивительно — христианская Русь за три дня превратилась в страну сплошного атеизма. Вроде как бы солдат, рабочих и крестьян сводили в баню и помыли их новой водой. Потом написал Булгаков, это вообще поражало, особенно русскую интеллигенцию: как можно было так быстро, внезапно перейти от одной культурной системы к другой. Аналогия, конечно, напрашивается и из современности. Все мы помним, как за два дня погиб Советский Союз. Коммунизм сменился неизвестно чем. Все это произошло действительно очень быстро. Но никакого перехода не было, как я думаю, ни в начале XX века, ни в конце; ни в 1917 году, ни в 1991. Просто получилось так, что противоречивые основания культуры и химеры исторически ворочаются, подставляя зданию культуры все новые и новые подпорки. Здание трещит, но почему-то не разваливается. Возможно, поэтому культурные трансформации слишком многими людьми не ощущаются как катастрофа. Конечно, были, есть и всегда будут люди, для которых в этих сотрясениях культурного здания видна апокалиптическая ситуация. Но такие переживания не свойственны большинству, они характеризуют очень немногих. Чаще всего к таким людям относятся с подозрением или без всякого внимания, таких людей просто отшвыривают, чтобы не путались под ногами и не мешали строить светлое здание их жизни.

Отвлекусь на Кушевскую трагедию, которая стала достоянием едва ли не всей мировой прессы. Есть там неожиданный, но закономерный поворот. Когда привлеченные сенсацией журналисты стали съезжаться в Кушевку и опрашивать местных жителей, то местные жители сказали, чтобы они убирались к чертовой матери. «Вы нам мешаете жить, и как люди мы теперь опозорены на весь мир». Это очень характерная вещь, может быть, более страшная, чем убийство 17 человек вместе с грудными детьми.

Противоречивость культурных оснований двойственна. С одной стороны, в этой противоречивости заключается опасность культурной катастрофы. С другой стороны, есть надежда на то, что эти культурные универсалии могут быть возрождены, если они будут осознаны

как утраченные ценности. Как то, что было очень важным и нужным и к чему бы следовало стремиться. Поэтому стрелки исторических часов нашей культуры указывают в разные стороны. Если это так, то трудно найти и истинное время и нужное направление пути. Спор между культурными основаниями никогда не будет закончен, и победа одних над другими никогда не была полной. Поскольку этот спор длится, то в самой протяженности сохраняются надежды на то, что идея культуры не угаснет. И хотя разрушения культуры действительно катастрофические, хотя катастрофа уже произошла, но еще, возможно, остается шанс на то, чтобы остановить деструкцию, чтобы хотя бы приступить к расчистке завалов и построить новое сооружение. Это то, что я называю «обживанием катастрофы».

Меня иногда спрашивают: зачем вы все это говорите? С какой целью? С целью покопаться в язвах, болячках, сделать нашу действительность еще хуже, чем она есть? Зачем нужны эти слова, если вы не видите путей выхода из катастрофы, не указываете программу действий? Вы просто болтаете, а эта болтовня иногда опаснее действий или бездействия. Но что я могу ответить? Я не настолько самонадеян, чтобы давать рекомендации, как именно можно было бы выйти из состояния культурной катастрофы. И я так и не знаю, кому эти рекомендации можно обрисовать. Власти, массам, каждому отдельному человеку?

Я попытался вчера выразить некоторую идею, которая мне кажется ключевой. Как можно найти какую-то зацепку? Я думаю, что нет более актуальной задачи для нашей страны, а может быть не только нашей, чем воссоздание или может быть новое формирование элиты общества. Я не верю, честно признаюсь, возможности власти совершить культурное преобразование, достаточное для выхода из катастрофы. Также не очень доверяю массам, которые несут в себе тяжесть и противоречие, спасаясь от ощущения трагедии в повседневности, в обращении к традиционному способу своей жизни. Только элита, на мой взгляд, способна на это. Но ее нет! И тогда возникает вопрос. Как создать элиту, если для ее создания уже нужна элита? Не знаю, ответа на этот вопрос у меня нет. Но думаю, если такой ответ был бы найден, то тогда все сказанное приобрело бы некоторый новый смысл.

В заключении скажу, что есть три идола, которые нужно преодолеть, для того чтобы желаемое стало возможным. Первый идол — это оптимизм. Наивный оптимизм, ничего хуже нет в состоянии катастрофы, чем дурацкий оптимизм, который выдает желаемое за действительное и закрывает глаза на реальность. Второе — это цинизм и цинический пессимизм, который видит реальность более страшной. И третий идол — это безответственность. То есть те, кто говорит о катастрофе, должны иметь смелость взять на себя ответственность за то, что они говорят. Отвечать за свои слова, отказаться от роли комментатора. Так говорил Высоцкий, вернее не говорил, а пел. Нужно пройти по режущим осколкам культуры босыми шагами. И даже если этот путь очень долгий нужно по нему идти, чтобы с каждым шагом он становился короче. Спасибо!

В.П. Макаренко: Большое спасибо, Владимир Натанович за содержательный доклад! Мне представляется, он вверг публику в пучину размышлений. Предлагаю сделать 5-10 минутный перерыв на кофе-брейк. Затем задать вопросы.

(Гул и волнение в зале. Общее требование задать хотя бы пару вопросов сейчас).

В.П. Макаренко: Ну что-ж... Профессор Старостин.

В.М. Старостин: Владимир Натанович, вы в начале выступления употребляли метафору полупустого и полуполного стакана. Есть еще третья позиция: обратить внимание на посуду в магазине. Чтобы изменить рациональность, надо говорить не только о содержимом, но и о стакане. В связи с этим вопрос. Речь шла о культурной катастрофе, о феномене катастрофы или о когнитивном диссонансе по поводу катастрофы? Недавно прошел философский конгресс. Там был доклад о кризисе восприятия политической реальности, структурной реальности и кризисе постреализма. В своих вычислениях мы сталкиваемся с кризисом дисциплинарной матрицы науки гуманитарного знания, а новой матрицы нет...

В.Н. Порус: Спасибо, это очень важный вопрос, он требует пространныго ответа. Я отвечаю после перерыва.

(Сплошной шум)

В.Ю. Попов: А есть ли у Вас свой ответ на вопрос: как появляются ценности?

Женский голос: У меня две ремарки и один вопрос. Я бы хотела уточнить: вы употребляете слова «общие», «общечеловеческие», «универсальные ценности», но я думаю, что речь идет о христианстве. Далее, у меня сложилось впечатление, что ваш стакан наполовину пуст, и катастрофа уже произошла. Не наша задача — ставить прогноз, но я думаю, что надо осмыслить половину пройденного пути. Как вы думаете, последние политические изменения, которые произошли у нас в стране, это восстание масс или обживание катастрофы?

В.Н. Порус: Замечательный вопрос... кхха! *(Улыбается)* Давайте сделаем так: я на ваш вопрос сразу отвечаю, а на остальные — после перерыва. Я подумаю, соберусь с мыслями и постараюсь — особенно на вопрос профессора Старостина. Что касается протестного движения в Москве и еще в нескольких пунктах — как вам сказать? Конечно, это не восстание масс. Какое это восстание? Хамов там много, одеты они по-разному: одни — в полицейские одежды, другие — в гражданские, третьи — в штатские. К тому, о чем я говорил, оно относится лишь в одном смысле: когда начинает трещать культурная действительность. Прежде всего трещит скорлупа, обнажается подлинная суть слов и фраз. Например: «выборы» — это слово, а за словом — пустота. Нет выборов. Так вот, обнаружение пустоты, наполняющей некоторые значимые словесные оболочки, — это причина для отчаяния, недовольства, протеста, иногда повод к возбуждению активности. «Демократия» — это слово? Мда-а-а... Блистательное слово, да? Целый, так сказать, кладезь ценностей. А поскреби его — обнаружишь симулякр. Нет демократии, как ее ни именууй: суверенная она или сувенирная, или как-то еще можно красиво обзывать... но ее просто нет! Это — если быть честным, откровенным и не заниматься политической демагогией. Так вот, обнаружение пустоты, скрывающейся за словесной оболочкой, — тоже повод для недовольства.

Есть и другие. Например, тревожное ожидание кризиса. Мы уже видели, как люди, принадлежащие к тому же общественному слою, который выходил на Болотную площадь, оказывались выброшенными за пределы комфортного существования, которое даже кто-то назвал существованием третьего класса. Среднего? Это как? Какой средний класс? И никакого комфортного существования тоже нет, все это эфемерно, зависит от конъюнктуры цен на нефтепродукты — но поводы для недовольства есть. Я бы не стал видеть за этим какие-то тектонические процессы — пока это сознание, медленное, иногда истерическое, иногда комическое, принимающее клоунские, балаганские формы, имитирующее социальную активность. За этим ничего серьезного не стоит.

Голос из зала: И не будет, да?

В.Н. Порус: Ээээ, на этот-то вопрос я как раз отвечаю! За этим ничего не стоит — пока! Кроме того, что обнаруживается пустота слов, из которых конструируется некоторая социальная реальность. Рушится лак и штукатурка, которая покрывает дырявые, гнилые, никчемные стены постройки. Массовые движения в нашей стране, скорее всего, не будут носить характер культурной революции. Они могут носить характер разрушительных, стихийных бедствий, которые могут быть вызваны резким обнищанием народных масс вследствие падения нефтяных рынков. Вот это действительно так. Вот тогда выйдут восстания масс, и тогда уже не Навальные, не Собчаки выйдут на улицы, а выйдет на улицы этот самый... НАРОД! Который будет стучать по пустым горшкам и по пустым головам тех, кто эти пустые горшки организует. Пока этого не произошло, нам необходимо подумать о культуре. Потому что только культура — не ОМОН, не полиция, не законы драконовские! — может противостоять хаосу, который наступит в результате культурного ... чего-то там. И вот здесь сходятся интересы тех, кто вышел на Болотную, и тех, кто выходил на Поклонную. И тех, кто ползает в коридо-

рах власти, и тех, кто ползает в коридорах так называемой системной оппозиции. Вот таков мой ответ на ваш вопрос.

А. Куликов: У вас в докладе тесно связаны два понятия: катастрофа и восстание. Я считаю, что эта связь действительно вполне прямая, но есть вопрос. Если мы говорим о том, что необходимо прервать катастрофу, которая произошла, то с чем это связано?

В.Н. Порус: Потребуется задать маленький вопрос (*всеобщий смех*) для того, чтобы потом задать большой. Я или не так услышал, или чего-то не понял. Я сказал, что в России это все включает три акта. Грамота ходит одновременно, и в нее вмазаны четыре слова: архаика, традиция, модерн, пост-модерн. Как это вяжется? Здесь нет арифметики: архаика прекрасно с традицией сочетается, пост-модерн включает в себя элементы модерна и архаики...

А. Куликов: То есть, прямой связи нет?

В.Н. Порус: Прямой связи нет. Я не на тот вопрос ответил. Я по Райкину: «Пить, курить и говорить я начал одновременно». Вот это имеется в виду...

А. Куликов: Нееееет, я не про это (*пара секунд невнятных возмущений*).

А.Н. Ерыгин: Если вместо «пить», «курить» и «говорить» подставить другие четыре слова, то возникнет другая ситуация, но если ответ готов тот, который получился — у меня вопрос снят. Так что ... (*невнятная претензия*).

В.П. Макаренко: Ничего не понимаю и объявляю перерыв.

* * *

В.Н. Порус: Жаль, что ушел профессор Старостин и не сможет выслушать ответ. Я понимаю его вопрос не только как его личный, а методологический. Но и другим, я думаю, будет интересно услышать ответ. Напомню вопрос, как я его понял и запомнил: где противоречие — в действительности или в теории? Где катастрофа — в головах ученых, исследующих социальную реальность, или в самой этой реальности? И как эта катастрофа отражена в рассуждениях исследователей? Вопрос фундаментальной важности, и он стар, как сама философия. Всякий раз эта старость омолаживается действительностью. На мой взгляд, и ответ является таким же традиционным. В принципе невозможно отделить диссонанс когнитивного рассуждения о действительности от диссонансов самой действительности. Я бы сказал коротко: наше представление о социальной картине реальности в своей последней глубине стоит на наших предпочтениях. Мечты о том, что может существовать некая объективная теория социальной реальности в том смысле, в каком об объективности говорят применительно к физическим или химическим теориям, на мой взгляд, требует очень серьезных оговорок и уточнений. Объективность социальной науки не того рода, какого объективность естественного знания. Поэтому отдельно говорить о диссонансе действительности и диссонансах рассуждений о действительности невозможно. Рассуждения о действительности, если они делаются объективными исследователями, вплетены в ткань самой социальной действительности. Поэтому и существует плюрализм этих картин и различные методологические споры между приверженцами уподобления социальных наук естественным наукам и теми, кто видит в ней особую специфику. Этот спор не будет кончен сегодня и не будет кончен завтра. Я думаю, что социальный исследователь — это не только ученый, но еще и конструктор. Изучая действительность, мы конструируем эту действительность. А наши представления о действительности являются не чем иным, как предлагаемыми моделями. И эти модели в конечном счете имеют ценностную природу. Мы знаем заранее, до всякой исследовательской работы, отличие между добром и злом, желаемым и существующим, должным и наличным. Эти вещи являются как бы предпосылками всякого объективного научного исследования. Избавиться от этого не только нельзя, но и было бы просто вредно. В таком случае исследователи противопоставили бы себя как особую группу надмирных наблюдателей самой действительности, которая предстает в их наблюдении. Этого сделать невозможно. Говоря простым языком, мы не можем выскочить из штанов нашего человеческого существования, мы в них

находимся. Если бы нам это удалось, то мы предстали бы в весьма постыдном и неприглядном виде.

И.Д. Коротец: А ночью? *(смех)*

В.П. Макаренко: Ну, это Игорь дурачится...

В.Н. Порус: Да, вот мой ответ. Такие вопросы ставились на предыдущем конгрессе и на пред-предыдущем и на этом. Я думаю, будут ставиться до тех пор, пока философы будут собираться на свои конгрессы. Потому что всякий раз преобладает та или иная тенденция, мода.

Голос из зала: Скажите, а можно продолжить вопрос профессора Старостина в отношении культуры и ее кризиса?

В.Н. Порус: Я не знаю. В ответ мне нужно заново прочитать свой доклад.

В.П. Макаренко: Все же слышали. Зачем повторять три раза?

В.Н. Порус: О духовной культуре общества судят не по тому, какие слова произносятся в этом обществе и какие слова становятся модными и популярными, а по тому, как в реальности происходят события этой жизни, в которых и выражается состояние духовной культуры. Не в словах, а в событиях и делах. Вот это и есть та мысль, о которой я хотел сказать в своем докладе и которую подчеркиваю еще раз. Был задан вопрос о природе культурных универсалий. Действительно, это ключевой вопрос для того, о чем я хотел сегодня рассказать. Иногда говорят: раз вы употребляете слово универсалия, тем самым берете на себя повышенные обязательства применить содержание культурных универсалий ко всем временам, народам, классам и т.д. Это совершенно неверно и опровергается исследователями. Я с этим абсолютно согласен и вовсе не собираюсь этого делать.

Для меня культурные универсалии — это ценность, которая универсальна в пределах данной культуры. Здесь необходимая тавтология: культура — это совокупность ценностных универсалий; а культурные универсалии определяют содержание и существование культуры. Это два понятия, которые невозможно отделить друг от друга. Они универсальны в том смысле, что подчиняют себе смысловой корпус сей ценностной системы. Но они не универсальны в том смысле, что являются общими для культур с совершенно различными системами. Никакой всечеловеческой, надисторической, надсобытийной культуры нет. Культуры всегда исторически обусловлены, всегда конкретные, если угодно. Но в пределах этой конкретности их смысловые каркасы универсальны, только в этом смысле. Они возникают как результат исторически развивающегося процесса примирения индивидуальных устремлений с необходимыми ограничениями этих устремлений, которые обеспечивают жизнь общества как целого. Если такое примирение вырабатывается... Культура — это компромисс. Если такое примирение вырабатывается таким путем, культура остается устойчивой и продолжает длиться в течение достаточного большого времени. Если такого примирения не происходит или оно постоянно нарушается одной из сторон — либо культура относится слишком репрессивно по отношению к индивидуальным предпочтениям, либо индивидуальные предпочтения становятся на путь бунта, высвобождения из-под культуры — то тогда культура гибнет или становится уязвимой для критики изнутри.

А.И. Бардаков: У меня два вопроса. Скажите, пожалуйста, когда идет речь о культурной катастрофе, вы имеете ввиду здесь и социальную катастрофу или это что-то другое?

В.Н. Порус: Я не могу отделить одно от другого. Я этого не понимаю. Я ведь сказал в самом начале, для меня культурная катастрофа или кризис фундаментальны. А все остальные кризисы социальности, политики, экономики, экологии чего там еще, все это произвол.

А.И. Бардаков: Духовность современного народа соотносится вместе с этим с катастрофой?

В.Н. Порус: Да, они коррелируются, это просто одно и то же. Вот я хотел выступить сегодня совсем с другим докладом, но мой уважаемый коллега и друг Виктор Павлович посоветовал мне обратиться к своему старому докладу, который я уже несколько раз делал. На

мой взгляд, он несколько устарел. Я как раз хотел говорить о духовности как важнейшей проблеме России. Нет духовной культуры, понятия духовности и культуры не коррелированы, а просто образуют некоторую смысловую сопряженность. Всякая культура духовна, а всякая духовность культурна. И ничего другого сказать не могу. Например, материальная культура общества — это то, как общество производит продукты, которые необходимы ему для жизни. Духовная культура — это поэзия, музыка, молитвы, традиции и т.д. Я не умею этого разделять и не понимаю, что это означает. Это иногда полезно для каких-то исследований (например, я изучаю определенные явления культуры). Онтологически это различие не имеет смысла. Я называю культурной катастрофой не смену одних культурных ориентаций другими. Когда погиб Древний Рим, то не погиб народ. Хотя одни культурные ориентации сменились другими. Рим в раннехристианскую эпоху оставался Римом. Просто античная культура уступила место христианской. А я говорю о прекращении доверия к культурным ценностям как к предельным ориентациям человеческого поведения и мысли. Когда к самой ценности как таковой утрачено доверие, когда существует непреодолимая пропасть между личными устремлениями и ориентациями жизни, и теми рамками, ограничениями и принципами поведения, которые диктует культура. Когда в ней существует разрыв непреодолимый, — вот это я и называю культурной катастрофой.

В.Ю. Попов: Каков источник культурных ценностей?

В.Н. Порус: Существуют различные ответы на этот вопрос. Одни говорят, что культурные ценности продиктовал Господь Бог; например, запечатленные в Ветхом Завете. С вашей точки зрения, как я понял, их диктует сама культурная действительность, которая существует в массах, народе. Не будем сейчас уточнять, что такое народ, массы. По сути дела, я думаю, что культурные ценности возникают исторически, очень долго возникают. Иногда этот процесс затягивается на десятилетия, столетия и даже тысячелетия. Вот это результат компромисса между совокупностью индивидуальных устремлений человека и необходимостью рамок, в которые эти устремления помещены, для того чтобы это существование не стало враждебным, антагонистическим. Вот когда этот процесс стабилизируется, на какой-то стадии своего развития, тогда мы говорим о формировании устойчивых культурных ориентиров, то есть того, что мы зовем ценностями. И когда это происходит, ценности приобретают власть. Символическая ценность — это результат того, что мы сами сотворили, но обладающая над нами такой же властью, которая подобна власти объективных законов природы над нашими телами и душами. То есть понимаете, законы природы, возможно, создает Бог, я не знаю. Это вопрос не ко мне. А вот законы культурного существования задают люди. Но когда они их уже создали, то им подчиняются до тех пор, пока подчиняются. И в этом смысле всякое восстание или бунт против культуры — это постановка под знак вопроса устойчивого модуса человеческого существования.

В.П. Макаренко: Вопросы завершаем, тем более, что некоторые из них не относятся к теме или свидетельствуют о невнимании слушателей. Разрешите прокомментировать некоторые пункты доклада. Для чего я попросил Владимира Натановича сделать доклад по статье шестилетней давности? Потому что заданные докладчику вопросы и сам ход дискуссии свидетельствуют: она осталась в ростовском философском обществе не прочитанной. Может быть, прочли один-два человека, но я их здесь не слышал. Аудитория задает докладчику плоские, а то и просто дурацкие вопросы. Сам характер вопросов свидетельствует, что даже если статья прочитана, то не усвоена. Аудитория пришла поразвлечься, а не участвовать в работе.

А.Н. Ерыгин: Статья непростая, статья сложная...

В.П. Макаренко: О, начинаются упражнения в риторике... Я попытаюсь показать, что статья Владимира Натановича очень интересна, поскольку позволяет обсуждать новые темы и сюжеты. Для начала напомню, что Семен Франк отмечал: критика породившей ее культуры есть родовая сущность философии. Профессор Порус продемонстрировал реализацию этого

девиза. Его доклад был посвящен критике оснований культуры, а также критике способа рефлексии о культуре. Вот это две капитальные проблемы. Если мы беремся обсуждать содержание доклада, то надо как-то рефлексировать в отношении этих двух проблем. А не заставлять докладчика заниматься разъяснением элементарных вещей и использовать его для ликвидации собственного невежества, то есть относиться к докладчику чисто потребительски.

Я хочу на примерах показать дискуссионность этих проблем. В докладе использовался эпизод из «Судьбы человека» Михаила Шолохова. Помещаются советские военнопленные в храм, один из них хочет выйти по нужде и получает очередь в живот. Мой тезис по поводу этого эпизода можно сформулировать так: писатель Шолохов в данном случае поступал как махровый советский идеолог. В смысле В.Набокова, который писал, что главным героем всей советской литературы является полицейское государство. Напомню, что рассказ «Судьба человека» был опубликован после XX съезда КПСС. В официальном советском литературоведении считается, что в этом сочинении пропагандируется гуманизм. А на деле Шолохов воспроизводил в новых условиях лозунг военного времени, сформулированный Константином Симоновым в стихотворении «Убей немца». Этот вирш еще одного сталинского акына заканчивался призывом:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!

Моих знаний не хватает, чтобы ответить на вопрос: сколько аналогичной продукции было создано в других странах с призывами убить русского, англичанина, американца, японца и всех остальных, участвующих в войне? Приходится работать без элементарных сравнений. Однако в приведенном примере ответственность за святотатство перекладывается на внешнего оккупанта, а со своих «внутренних турок» и «внутренних немцев» снимается. Если вспомнить русскую публицистику периода русско-турецкой войны 1876-78 гг. и первой мировой войны — модных нынче тем в российском массовом искусстве. А сколько церквей было разрушено во время советской власти, сколько было определено под овощные склады, сколько клира сгинуло на Соловках? Я — безрелигиозный человек. Но это не мешает мне констатировать общую тенденцию: после 1917 года в СССР преступления советской власти в отношении религии были намного больше, чем в период войны со стороны немцев в отношении советских верующих. Факты свидетельствуют о другом: при оккупации советских территорий Вермахт разрешил деятельность церквей, были открыты храмы. Не менее хорошо известно, что при немцах большинство клира РПЦ пошло на сотрудничество с оккупантами. Но ведь другая часть вынуждена была пойти на коллаборационизм с советской властью. Поэтому приведенный пример мне кажется дискуссионным. Хотя он позволяет сформулировать проблему: что лучше (хуже) — сотрудничество с внутренними или внешними немцами?

Теперь напомню, что в феврале 1945 года Советская армия вошла в Пруссию и начала вести себя по отношению к местному населению ничуть не лучше, чем вели себя фашисты на оккупированных территориях. Лев Копелев в книге «Хранить вечно» описал ситуацию и первым имел мужество выступить против такого поведения. Его обвинили в «буржуазном гуманизме» и бросили в кутузку. Значит, Шолохов сознательно пренебрегал этим опытом. Более культурные люди говорили уже в период войны: мы не можем поступать как фашисты.

Теперь в России опубликовано много мемуаров, исследований и документов, в которых показано что Сталин пошел на разрешение Русской православной церкви в 1943 г. не из-за своего семинарского прошлого и не в порядке осознания своих грехов, а с учетом будущей советской оккупации Восточной Европы. И вытекающих отсюда политических дивидендов,

связанных с реализацией этой дьявольской политики. Я думаю, весь этот материал можно использовать, чтобы оспорить эпизод из рассказа «Судьба человека» Шолохова.

В ответ на эту идеологическую стряпню надо вспомнить также, что «наша» власть целыми составами отправляла в Сибирь калмыков, чеченцев и другие народы. И горские женщины помирали в вагонах потому, что не могли помочиться на виду. Разве можно упускать из виду эти факты, если мы обсуждаем кризис культуры? Разве наша родная власть не инициировала этот кризис?

При подготовке к конференции я думал, с какой стороны подойти к проблеме. Вот публицистика Иосифа Бродского. У него есть статья «Катастрофы в воздухе». Она может быть предметом разбора при обсуждении доклада Владимира Натановича. То, что Порус называет отождествлением культуры и духовности, Бродский называет катастрофами в воздухе. По его мнению, кризис идей — это разновидность катастрофы в воздухе. Что это такое? Это гроб. При катастрофе в воздухе почти никто не выживает. В статье приведена интересная аргументация в пользу того, что именно кризис идей ведет в могилу. Она может быть предметом обсуждения при анализе доклада Владимира Натановича.

Что еще попутно можно сказать? Мне очень понравилась твоя метафора «шесть соток индивидуального существования». Она очень емкая. По поводу шести соток можно развить целый способ рассуждения. И поставить под вопрос всю либеральную традицию приватности. Да и не только либеральную традицию, но и ту разновидность русского звериного или животного индивидуализма, который описан детально в трудах Андрея Платонова. Европейский либерализм и наш русско-советский — это абсолютно разные вещи. Замечу также, что практика выделения куска земли жителям городов для проведения уикендов начала складываться в нацистской Германии. Об этом я узнал из чтения дневника Михаила Пришвина. А он считал, что настоящим врагом советской власти является мещанство (он связывал его как раз с клочком земли), а не фашизм. Прав ли он был?

Теперь еще проблема, на которую я не нашел ответа и она меня мучит...

В.Н. Порус: Я сейчас скажу...

В.П. Макаренко: Нет, подожди, не спеши! Когда Владимир Натанович прибегает к диалектическим тропам, используя обороты всякая духовность культурна и всякая культурность духовна, — в ответ на это я хотел бы заметить: существует целая традиция духовного насилия. А как же тогда отделить духовное насилие в его разновидностях манипуляции, инквизиции, системы пропаганды, воспитания от духовной культуры? Мне кажется, что объединение культуры с духовностью, а духовности с культурой не решает проблему духовного насилия. Как к нему относиться? Я на это ответа не нашел.

В.Н. Порус: Понял, очень важный вопрос. Сейчас отвечу. Чрезвычайное наслаждение я испытываю, полемизируя с Виктором Павловичем. Потому что он своими вопросами и критическими замечаниями просто заставляют меня уточнять то, что не было уточнено. Насчет примера с шолоховским рассказом и с фильмом по этому рассказу, — здесь никакой проблемы нет. Здесь я не занимаюсь вопросами об отношении тоталитарного режима и христианской церкви, отношения между оккупантами и оккупируемыми. Для меня это абсолютно неважно. Можно было бы привести пример из Варлама Шаламова с его Пугачевым. Можно привести пример из воспоминаний выживших узников Освенцима или воспоминания ленинградских блокадников и т.д. Все это не имеет значения. В данном случае выбор примера не играет роли. Суть простая: существует грань, за которой человек не может переступить тот принцип, который является стержнем его духовного существования или может переступить. Обычно, когда говорят о «Судьбе человека», то Соколова называют главным героем. А для меня человек, который получил очередь в живот, является культурным героем. Человек знал, что его расстреляют, но не смог переступить принцип. Можно подумать: дурак какой-то, зачем он отдал свою жизнь? Я думаю, что культурный герой — это человек застреленный за то, что он не хотел справлять нужду в храме.

Теперь более важный и интересный вопрос об отношении духовности и культуры. Существует предрассудок, который живет особой жизнью в разных социальных, культурных средах. Предрассудок состоит в следующем: культура — это всегда хорошо, со знаком плюс. Когда говоришь, что этот человек бездуховный, — то это плохой человек. Когда говоришь, что этот человек духовный — хороший человек. И вот это различие «плюс» и «минус» оказывается почему-то существенным. На самом деле это совсем не так. Существуют зверские культуры, зверские с точки зрения другой культуры, которая на это зверство смотрит с осуждением. Вспомните, например, о культуре северных народов, которая вынуждала и понуждала убивать своих родителей. Это зверство, но это был и культурный принцип, и человек, который восстал бы против этого принципа, был бы низвергнут этой культурой.

Духовность тоже не всегда бывает со знаком плюс. Бывает злой дух, бывает духовность отвратительная, исходя из определенного морального кодекса. Например, когда Манфред — носитель отрицательной духовности — восстает против основ мироздания. И тут непонятно: это возносит его на высоту или наоборот — низвергает его в пучину сомнений, отрицаний и разрушений. И то и другое зависит от точки отсчета, от системы нравственных координат. Поэтому культура и духовность могут сходиться и расходиться. Все зависит от отношения между культурой и той свободой, которая позволяет человеку поддерживать эту культуру или восставать против нее. Причем, позиции эти — «плюс» или «минус» — могут меняться со временем. Примеров исторических огромное количество, вплоть до того, как царевубийство было оценено как героический поступок, восстание свободного духа и отзвук на те глубинные противоречия, которыми разрушалось русское общество. И так бывало очень часто.

В.П. Макаренко: Не везде, не во всем обществе...

В.Н. Порус: Везде они никогда не меняются. Ведь существуют до сих пор такие слои общества, в которых духовный подвиг Иисуса оценивается как глупая случайность или сознательный обман. Так что никогда общество не единодушно в своих культурных и нравственных оценках. Ни в коем случае я не отождествляю положительную оценку духовности с самой духовностью. Духовность может иметь различные оценки, как положительные, так и отрицательные. Что я отстаиваю и на чем я стою — концепты духовности и культуры образуют смысловую сопряженность. Они не имеют смысла друг без друга. Нельзя говорить о духовности вне культурного контекста и нельзя говорить о культуре вне контекста духовности. По сути, это разные схемы одного и того же целого. Вот это главное методологическое содержание, на которое я хотел бы обратить внимание.

Был еще один вопрос...

В.П. Макаренко: Да. Когда возникают культурные коллизии, то обычно пользуюсь таким примером. Пришли новобранцы на корабль. Боцман их выстроил, прохаживается вдоль строя и разъясняет: «Шо такое флот и шо такое армия? На флоте матрос грамотнЕе и культурнЕе. Вот я, например, физику знаю, фимию знаю, бога мать...». Проиллюстрируй, пожалуйста, охватывает ли твоя концепция эту ситуацию, включая термины «грамотнЕе» и «культурнЕе»?

В.Н. Порус: Да, конечно, работает.

В.П. Макаренко: Разъясни!

В.Н. Порус: Когда начинают обостряться противоречия между ценностями и их смыслами, то словесные оболочки отскакивают, отсыхают. Возникает огромное количество имитаций, подражаний, стремлений сделать культурнЕе и грамотнЕе, на самом же деле, это не является ни грамотным, ни культурным. Примеры из твоего любимого Платонова бесконечны. Например: счастье произойдет от материализма.

В.П. Макаренко: А если их как парадоксы культуры трактовать?

В.Н. Порус: Можно. Да, бывает так, что культура для поддержания своего же собственного существования вынуждена прибегать к своим имитациям. Вот кстати, тут о большевиках почему-то заговорили в кулуарах. Это очень интересная тема. Большевики очень часто

прибегали к культурным имитациям в ходе культурной революции, которая действительно была осуществлена. Например, такой культурной имитацией-пустышкой или символом стал А.С. Пушкин. Из него вынули все пушкинское, все его содержание, всю его глубину смысла, которая в нем заключена как в уникальном культурном явлении и оставили пустые оболочки. И масса играла этими оболочками, думая или полагая, питая иллюзию о своей культурности. Замечательно эти вещи выражены у Зощенко, в цикле его рассказов о новом человеке. Там происходит игра словами, культурными символами без всякого понимания смысла этих символов и отношения к ним. Игра с этими смыслами стала массовым явлением. И это выдавалось за культуру. Культура иногда прибегает к символическим. Например, люди, которые приходят в храм и молятся, носят крестики, постятся, соблюдают обряды, — кто из них верит? Я задавал вопрос священникам. Они отвечали: очень немногие. То есть игра символами стала массовой. Ведь страшное дело — принять на себя бремя христианской веры, стать христианином по совести, по вере, по мысли. А вот играть с христианской символикой — это прекрасно. Это как знаки различия «свой-чужой». Это игра символами, это пустышки. Симулякры. Это не только с верой связано, это связано с политикой и экономикой... Например, что означает «труд»? Человек говорит: «Я трудился 50 лет, а мне дали пенсию маленькую». А когда спросишь: что ты там делал, за эти 50 лет, что ты там натрудил? Ответ — «Дурака валял в общем-то». Но символ был выдержан.

В.П. Макаренко: Большое спасибо! Правильно ли я тебя понял, когда сделал акцент на индивидуальном или использовании культуры ради того, чтобы нам было хорошо? Статистические исследования показывают, что 40-60% именно так и понимают культуру.

В.Н. Порус: Повторю тезис из своего доклада. Один из симптомов культурного кризиса, культурной катастрофы — это замена смыслов культурных ценностей их симулякрами или пустыми оболочками. Это началось давно. Одним из классиков, отцов этого отношения был не кто иной, как Вольтер. Который сказал, что если Бога нет, то его следует выдумать. Это значит: использовать культурный символ для достижения социальных, политических и иных целей. Расскажу вам один такой случай. Пожилая женщина увидела у меня на полке Библию. Библия была католическая. Она попросила у меня Библию, я ей дал. Она ответила: «Я это в руки не возьму. Это дьявольский крест, дьявольская Библия». Я говорю: «Хорошо, у меня есть и православная. Но скажите, почему? Что вас не устраивает?» В ответ: «Я не знаю».

Символ, оболочка становится важнее того, что написано. Так происходит во всех сферах нашей жизни, не только в религиозной. Вот это и есть признак умирания или загнивания культуры. Краха, когда вместо культуры действительность заполняется ее останками, ее символическими репрезентантами. Когда, например, берут медальончик с Джокондой, на Джоконде усы и на груди какое-то неприличное слово, но они же таким образом приобщаются к культуре. Они же что-то знают о Да Винчи, о Джоконде, о Лувре, о веках культуры и т.д. Символ есть, а раз он пустой — с ним можно делать все, что угодно. Все эти вещи являются примером игры. Игры воображения, которое все что угодно может представить в любом виде. Джоконда с усами, Иисус в непристойном виде — это все игра.

В.П. Макаренко: Кто-нибудь хочет еще высказаться?

А.Н. Ерыгин: Я хотел бы сказать несколько слов по поводу главных мыслей, высказанных В.Н. Порусом в его докладе, четко очерченных в рамках концептологического рассмотрения. Но я в данном случае не ограничиваю выступление рамками концептологического рассмотрения, мой интерес не лежит в чисто теоретическом плане. Я не буду уходить глубоко в чисто теоретическую область. Хочу постоять на границе. Бердяев задолго до всех наших споров о конфликтном, кризисном и катастрофическом характере культуры сформулировал тезис о культуре как величайшей неудаче человечества. Мы можем рассматривать это тоже как термин, который чисто концептологически в его произведениях не несет большой теоретической нагрузки. Но сам этот термин о культуре как неудаче у Бердяева наполнен опреде-

ленным понятийным смыслом и подчеркивает гигантскую историческую рамку. Что есть неудача культуры, по Бердяеву? Неудача культуры — это все, что человеческая история с определенного момента создала в ходе реализации всех возможных линий ее движения. Все эти линии в сущности неудачны. Поскольку величайшая катастрофа из катастроф стояла у истоков истории и райское время ушло, как бы мы к нему не относились. Наступило чисто историческое время, где касание с вечностью не присутствует. В этом временном состоянии мы фиксируем факт неудачи культуры движения человечества. Попытки человека реализовать свою сущность закончились попаданием в полосу отчуждения, кризиса, противоречия и самоустранения исходных базисных человеческих характеристик, с которыми человек когда-то начинал свой путь. Культура — это великая неудача.

Теперь возникает вопрос. Если так оценивается вся культурная жизнь человечества, то какое значение в этом контексте может иметь термин катастрофа? Видимо, для обозначения каких-то похожих, но других вещей. Но по докладу В.Н. Поруса видно, что речь идет о других вещах. Переключка несомненная есть, но сейчас я ее касаться не буду. Но речь идет о других вещах. Наиболее выпуклой вещью, которую ты затронул предельно неудачно (*обращаясь к В.П. Макаренко*) по поводу Шолохова. В.Н. Порус еще раз разъяснил. Когда Виктор Павлович отметил убийство христианина немцем и наоборот. С другой стороны, политика немцев, открывавших церкви и наших иерархов, которые сотрудничали с оккупантами. Слова отрицательного толка ты приписал православной церкви. Они свидетельствуют о том, что ты ушел из концептологического способа рассмотрения вопроса в сугубо политический, острый и, может быть, имеющий право на свое существование. Но в нем ты неожиданно, не заметив сам, подчеркнул одну интереснейшую вещь, касающуюся приведенного примера.

Так вот, если внимательно посмотреть на поведение христианина, который не хотел молиться в храме и на поведение тех православных иерархов, которые в период оккупации фашистской Германии определенные территории открыли церкви и работали там как иерархи — это одно и то же. Это великая культура, которая реализовалась в этих невыносимых условиях. Вот здесь есть величайший пример совпадения духовного и культурного.

В.П. Макаренко: Спасибо! Помимо того, что ты здесь рассказывал, ставлю тебе боевую задачу: написать статью. Она будет опубликована. Но это полемика, я вынужден отвечать. Об удачности и неудачности моих примеров. Набор фактов в истории — это источник рефлексии. Я читал многотомные истории. И для меня важен образ истории Вальтера Беньямина, разорванности исторического восприятия. Примеры о поведении православной церкви при оккупации относятся не только к политическим, но и к историческим. Существует целое направление исследований под названием социология церкви, наряду с социологией религии. В этом смысле социология РПЦ является их частным случаем. Это мы пока возвращаемся на уровне доктрин. Не стоит сбрасывать со счетов историю церквей. Хочешь ответить? (*обращаясь к В.Н. Порусу*)

В.Н. Порус: Но только несколько слов. Устали все уже?

В.П. Макаренко: Да. Я чувствую тоже.

В.Н. Порус: Я отмечу только один факт. Когда мы с Виктором Павловичем выступали на ростовском телевидении, там была хорошо поставлена PR-кампания. Приходите, регистрируйтесь, отвечайте, ... очень интересная тема ... касается каждого из нас. Но никакого результата нет. Это означает только, что проблема культурной катастрофы, еще далека от осознания. Пока ростовчане, живущие в этом регионе уверены в том, что никакой культурной катастрофы нет, до этих пор можно быть спокойным. И особенно не переживать. Но все-таки философское сообщество, мне кажется, должно быть заинтересовано в обсуждении таких тем. Как выяснилось из выступлений, в этих выступлениях я нашел некоторые новые смыслы в своем тексте. Больше понял, наверное, что я сам хотел сказать. Спасибо всем! Мне еще кажется, что эта тема является целиной, не поднятой целиной; здесь еще работать и работать. О Бердяеве я писал в свое время и еще, уверен, буду писать. Я не отношусь всерьез к его сло-

вам, относительно культуры как главной неудачи человечества. Эти фразы носят больше эмоциональный характер.

В.П. Макаренко: Надувание шаров...

В.Н. Порус: Я не буду уже пояснять... Нельзя считать неудачей, когда человек действует вопреки культурным координатам: ему говорят иди к северу, а он потащился на юг. Но это не неудача целой системы, а неудача конкретного человека. Но должное должно существовать, в этом смысл кантовской философии. Должное должно быть в этом смысл культуры. Культура задает систему координат, в рамках которой человек и определяет на свою ответственность свое поведение. Без этого человек не существует. Нет человека. Вот в этом был пафос моего сообщения, в этом была моя цель, моя задача. Но как я ее достиг, это уже не мне судить, а вам. Спасибо за внимание! Мне всегда очень приятно приезжать в Ростов, потому что здесь публика всегда заинтересованная, чего не всегда можно увидеть в столице. Спасибо еще раз за внимание и извините. *(окации)*

В.П. Макаренко: Спасибо, дорогой Владимир Натанович! Теперь я хочу передать привет всем присутствующим от профессора Эдуарда Колчинского, который сейчас мне звонил. Затем я предлагаю нам на сегодня заглухнуть. Всем спасибо!